

Глава 21. Очарование праздных мыслей

Все-таки между ними оставалась какая-то привязанность. Госпожа Ань, до того со страхом комкавшая в пальцах платок, едва они вышли со двора, робко коснулась ладони Цзин Юньшу.

— Всё такие же холодные... — тихо вздохнула она.

Фальшивая улыбка сошла с лица Цзин Юньшу, уступив место привычной отстраненности, и лишь в глубине его глаз забрезжило слабое тепло.

— Они всегда такие. Пустяки, — негромко ответил он, мягко, но решительно высвобождая руку. Развернувшись, он забрал у стоявшего позади Чжун И грелку. — Как ваше здоровье, матушка Ань? И как поживает пятая сестренка?

Госпожа Ань поправила прическу. Стоило заговорить о Юнь Жуцзинь, как ее лицо заметно посветлело.

— Всё благодаря няне, которую ты прислал, Сань-лан. Невероятно толковая женщина! Обучила девочку манерам так, что комар носа не подточит. Сама-то я ни на что не годна, но даже мне любо-дорого смотреть. Да и не я одна хвалю. На днях старая госпожа со старшей госпожой и барышнями ездили в храм Дамин на поклонение. И надо же было такому случиться — за поминальным обедом они столкнулись с супругой самого губернатора!

Цзин Юньшу едва заметно приподнял бровь.

Прижав платок к губам, госпожа Ань продолжила:

— Как рассказывала потом старая госпожа, супруга губернатора не скупилась на похвалы нашей Цзинь-эр. Сказала, что барышня на редкость скромна, изящна и держится с истинным благородством.

«Это едва ли сулит что-то хорошее», — подумал Цзин Юньшу, но вслух спросил:

— И что было дальше?

— Вот я и говорю: какую же чудесную няню ты сосватал! Я ведь косноязычна, только испортила бы девку своим воспитанием. К счастью, Жуцзинь оказалась смышленной: перед супругой губернатора ответила, что всем обязана заботам бабушки и старшей госпожи, а также примеру старших сестер. Мол, сама она еще мала, но, глядя на них, переняла толику мудрости.

— Что ж, недурно, — одобрительно кивнул Цзин Юньшу.

Видя, что Третий молодой господин доволен, госпожа Ань вздохнула с облегчением.

Впрочем, на ходу, где у стен могли оказаться уши, Цзин Юньшу расспросы продолжать не стал. За разговором они незаметно дошли до двора Облачной Парчи, где жила госпожа Ань, и переступили порог.

Следом за хозяйкой шла Сисян — служанка, приставленная к ней усадьбой еще в прежние времена. Навстречу же им выбежала Хуэй-нянь, племянница матушки Линь, которую Цзин Юньшу прислал сюда не так давно.

Увидев, что господин вернулся вместе с хозяйкой, она поспешно склонилась в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, Сань-лан. Здоровья вам.

— Здравствуй, — сухо отозвался Цзин Юньшу.

Родственников этих служанок он заблаговременно пристроил в сад Су под присмотр Мао Юна. Работа там была необременительной, без самодурства господ, и при должной прилежности всегда можно было отложить лишнюю копейку. Девушки платили за это безграничной преданностью. Каждому ведь хочется спокойной жизни, а Юньшу отбирал людей на редкость тщательно, отдавая предпочтение кротким и надежным. Да и сама госпожа Ань не принадлежала к числу тех хозяек, что зазря бьют и честят слуг, так что челядь здесь трудилась на совесть.

Цзин Юньшу повернулся к госпоже Ань:

— Никто из дворни не ленится? Голову не задирают перед вами?

В деловой хватке Третьего молодого господина его названная мать не сомневалась ни на йоту, да и слуги подобрались на славу.

— Что ты, Сань-лан! Все работают исправно, — поспешила заверить она. — Твои люди дело знают, да и матушка Линь держит их в узде. Никто и пикнуть не смеет.

Они вошли в гостиную двора Облачной Парчи. Цзин Юньшу без лишних церемоний опустился в кресло. Сисян и Хуэй-нянь расторопно подали чай.

— Вы просили меня в письме вернуться как можно скорее, — заговорил он, пригубив напиток.
— Что-то стряслось?

При этих словах улыбка окончательно сошла с лица госпожи Ань. Она нахмурилась, и её взгляд

наполнился глубокой тревогой.

— Ох, Сань-лан... Не хотелось мне отвлекать тебя от дел, да только дело такое, что мне, слабой женщине, с ним не сдюжить. Больше и надеяться не на кого.

— Говорите прямо, в чем суть?

И госпожа Ань поведала ему о беде, что стряслась в усадьбе.

Третьей дочери Юнь Буши, барышне Юнь Жулянь, недавно исполнилось пятнадцать. После обряда совершеннолетия пришла пора задумываться о замужестве. На самом празднестве к ней присмотрелись несколько семей, но приличной девушке негоже первой заводить разговор — оставалось лишь ждать, пока женихи зашлют свах. Первым созрел давний сослуживец Юнь Буши — сыма при канцелярии великого главнокомандующего, также носивший пятый чиновничий ранг, Сюэ Чанцин. Он посватал за Жулянь своего единственного сына, Сюэ Цюбая.

Цзин Юньшу был неплохо осведомлен о взаимоотношениях Юнь Буши и Сюэ Чанцина. Его отец талантами не блистал. В свое время он приглянулся великому главнокомандующему лишь благодаря усовершенствованному методу отлива бумаги. Позже, когда покровитель пошел на повышение, Цзин Юньшу вовремя подкинул отцу чертежи печати подвижным шрифтом и технологию брошюрования книг нитью, благодаря чему Юнь Буши и выслужил свой заветный пятый ранг.

Впрочем, при штабе великого главнокомандующего такие должности были скорее синекурой. Покровителю, очевидно, импонировало иметь под рукой послушного и недалекого человека, который к тому же время от времени горазд на полезные для народа выдумки. Своя ручная собака всяко лучше чужого волка. Поэтому, когда бывший губернатор Янчжоу получил назначение на пост великого главнокомандующего, он забрал Юнь Буши с собой, подняв его сразу с седьмого ранга до пятого. Ему поручали пустяковые, не требующие особого ума дела: составление хроник, управление местными школами да надзор за соблюдением ритуалов.

Что же до Сюэ Чанцина, то прежде он служил судебным приставом при губернаторе, ведал тюрьмами и разбором тяжб. Сюэ происходили из старинного рода бескорыстных чиновников, славились безупречной честностью и пользовались искренним уважением в народе. Видя в нем толк, великий главнокомандующий также забрал его к себе, пожаловав должность сыма пятого ранга.

Должности чжанши и сыма считались приближенными к главнокомандующему. Стоило тому дать волю — и подчинённый оказывался на золотой жиле. Однако ни Юнь Буши, ни Сюэ Чанцин не входили в ближний круг доверенных лиц. Особой властью их не наделяли, а от избытка свободного времени они стали часто видаться и, сблизившись на почве общего неприкаянного положения, со временем даже подружились.

И все же Сюэ Чанцин принадлежал к потомственной чиновной знати, пусть и небогатой. И хотя его родители рано ушли из жизни, а воспитанием мальчика занималась бабка, он

разительно отличался от Юнь Буши, выбившегося в люди из простых писарей. В доме Сюэ чтили приличия, из поколения в поколение передавали утонченные манеры и семейные традиции.

Потому брак дочери наложницы Юнь Буши с законным сыном Сюэ Чанцина считался для девушки явным везением и весьма завидной партией.

Наложница Ху, мать Юнь Жулянь, обеими руками ухватилась за это предложение, и семьи быстро сговорились о помолвке. Беда пришла откуда не ждали: два месяца назад Сюэ Чанцин скоротечной скончался. Его престарелая мать, сломленная горем, не перенесла утраты и вскоре последовала за сыном в могилу. Семья в одночасье лишилась кормильцев, оставив семнадцатилетнего Сюэ Цюбая и его мать, госпожу Мэн, один на один со своей нищетой. Рухнул весь их мир.

Мало того, что юноша теперь был обязан соблюдать строгий трехлетний траур, так ведь если сам он еще мог подождать, то для пятнадцатилетней Юнь Жулянь, чей девичий век недолог, три года ожидания были подобны приговору.

Но главное — у Сюэ не осталось мужчины, способного защитить дом и устроить дела. Некому больше замолвить словечко за сироту, если тот провалит экзамены. Теперь, когда глава семьи лежал в сырой земле, будущее Сюэ Цюбая казалось зыбким и туманным.

Две смерти за один год — люди шептались, что род Сюэ прогневал богов, а сам Цюбай отмечен печатью несчастья.

Какая мать пожелает дочери долю приживалки в разоренном гнезде? Девичье счастье простое: муж ласковый, дом — полная чаша да покой. А свяжи Жулянь жизнь с этим несчастным, кто знает, какие невзгоды падут на ее голову.

Наложница Ху, разумеется, тут же пошла на попятную. Для Юнь Буши, как для всякого мужчины, превыше всего была репутация. Судьба побочной дочери его волновала мало, но разорви он помолвку сейчас — весь город стал бы плевать ему в спину, клеймя предателем и корыстолюбцем. С другой стороны, наложница Ху устроила ему сущий ад, да и возраст Жулянь действительно поджимал. И тогда его взор обратился на Юнь Жуцзинь.

Цзин Юньшу не нужно было объяснять дважды: наверняка Ху напела мужу в уши сладких речей. Матушка Ань, женщина кроткая и тихая, скандалить не умела. Все эти бабские уловки со слезами и причитаниями были ей чужды; она лишь плакала тайком в подушку, не смея перечить супругу. Да и скажи она хоть слово, Юнь Буши и ухом бы не повел. Потому-то она в полном отчаянии и засыпала Юньшу письмами, моля о спасении.

Цзин Юньшу ненадолго задумался, а затем спросил:

— Матушка Ань, а какого мужа вы бы желали для пятой сестренки?

Женщина растерялась.

— Мне бы только... чтобы жили в согласии да нужды не знали, — нерешительно произнесла она. — Законный сын или от наложницы — неважно. Главное, чтобы девочке моей не пришлось терпеть чужие капризы, глотать слезы да вечно дрожать от страха, убажывая чужих людей...

Вспомнив, должно быть, собственную горькую долю, она прервалась, и голос ее сорвался на тихий всхлип.

Цзин Юньшу слишком хорошо понимал, как бесправны женщины в этом мире. Почувствовав укол жалости, он мысленно вздохнул и после недолгого молчания заговорил:

— Когда Ху радовалась этой помолвке, вы в своих письмах тоже исходили завистью. Сами ведь писали, что встречались с госпожой Мэн и нашли ее женщиной кроткого, уступчивого нрава. Да и молодой господин Сюэ слыл юношей почтительным и прилежным. Даже после столь сокрушительного удара судьбы его натура едва ли переменилась в худшую сторону.

Госпожа Ань удивленно посмотрела на него.

— Сань-лан, неужели ты клонишь к тому, чтобы...

— Вы — мать Жуцзинь, и решать только вам, — мягко перебил ее Цзин Юньшу. — Я лишь хочу разложить все по полочкам.

Госпожа Ань крепче сжала платок:

— Да откуда мне знать? Я всю жизнь за высокими стенами просидела, людей не видела. Ты ей вместо отца и старшего брата. Знаю, что зла ей не пожелаешь. Как скажешь, так и поступим.

— Погодите соглашаться, выслушайте сначала. Понимаю ваши страхи: боитесь, что на Сюэ Цюбае лежит проклятие, что сироты станут легкой добычей для обидчиков, а беспросветная бедность отравит жизнь вашей дочери. Но я вовсе не утверждаю, будто этот юноша — предел мечтаний.

Он сделал глоток горячего чая и продолжил:

— Во-первых, молодому Сюэ предстоит три года носить траур. Если он действительно умен и честолюбив, то приложит все силы к учебе, чтобы сдать экзамены. Но учтите: если он сдаст их блестяще и попадет в список победителей, столичные вельможи разорвут его на части ради своих дочерей. Нашей Жуцзинь его тогда не видать.

Во-вторых, если дела обстоят так, как вы описывали, из родни у него осталась лишь тихая мать.

Никаких золовок и невесток, плетущих интриги. Жуцзинь войдет в дом полноправной хозяйкой. Придется, конечно, похлопотать по хозяйству, зато никто не станет помыкать ею.

В-третьих, если мы не отвергнем его в час нужды и отдадим за него пятую сестренку, то любой честный человек на его месте будет почитать ее как спасительницу и пылинки с нее сдувать. Ну и в-четвертых: даже если он провалится на экзаменах, я дам за Жуцзинь в приданое пару лавок. При разумном ведении дел они никогда не узнают бедности. Если между мужем и женой будет лад, то и жизнь сложится счастливо. В богатых хоромах свои радости, в скромном доме — свои. Во всем есть свои плюсы и минусы, нужно лишь уметь устраивать судьбу.

Цзин Юньшу разложил все так четко и разумно, что нерешительная госпожа Ань окончательно запуталась.

— Выходит... молодой Сюэ и впрямь неплохая партия? — робко спросила она.

— Я его в глаза не видел, — покачал головой Юньшу. — Я лишь рассуждаю, опираясь на ваши же слова. Но все это имеет смысл лишь при условии, что его мать действительно добросердечна, а сам он не глуп и трудолюбив. Мне нужно самому взглянуть на него. Судьба женщины решается один раз и на всю жизнь, я это прекрасно понимаю и халатно к делу не отнесусь. Считайте это запасным выходом. Коль уж я вернулся, а сестренке пора под венец, задержусь здесь подольше. Подыщем женихов по всему Янчжоу, посватаем лучшего, чтобы у вас на душе стало спокойно.

От этих слов у госпожи Ань защемило в груди, а на глаза навернулись слезы. В этом огромном доме она жила словно на тонком льду. Муж, который должен был быть опорой, оставался лишь пустой тенью: ни тогда, ни сейчас толку от него не было. Единственным, на кого она могла опереться, был этот юноша. Она давно поняла, что Цзин Юньшу не так прост, но никогда не осмеливалась расспрашивать его о тайных делах. Ей было достаточно знать, что он заботится о них с дочерью и не даст Жуцзинь повторить ее собственную безрадостную судьбу.

Иногда она гадала: чьих же кровей этот благородный юноша? С такой внешностью, острым умом и невероятной хваткой — как он мог оказаться на грани жизни и смерти, замерзая на улице? Наверняка он из великого рода. Быть может, его мать давно почилла, раз его никто так и не хватился. Как мать, потерявшая собственного ребенка, она всем сердцем сочувствовала Юньшу. Ведь когда-то она сама выхаживала его, вливая в рот ложку за ложкой жидкую кашу и горькие снадобья, когда они выживали вдвоем.

Увы, Цзин Юньшу держался с ней отчужденно. Да и вообще, она не видела, чтобы он был близок хоть с кем-то, пока рядом не появился этот молчаливый воин, Чжун И. Только с ним Юньшу вел себя по-настоящему непринужденно. Она и не смела надеяться, что он станет считать ее матерью — слишком велик был разрыв между ними, он казался сошедшим с небес небожителем. Ей было просто жаль, что ему, такому молодому, приходится тащить на себе столько забот. И во всем виновата ее собственная слабость: ни знатной родни за спиной, ни твердости, как у старшей госпожи, ни лисьего коварства, как у наложницы Ся.

Покончив с расспросами, Цзин Юньшу не пожелал задерживаться дольше. Увидев, что матушке Ань больше нечего сказать, он собрался уходить, но перед этим вспомнил ее слова о жене губернатора и строго наказал:

— И еще: то, что наболтала вам супруга губернатора, выбросьте из головы и забудьте навсегда. Приглядывайте за пятой сестренкой пуще прежнего. Следите, чтобы к ней в руки не попала всякая дрянь, а чужие люди не вертелись рядом. Что-то я притомился с дороги, пойду к себе.

Он поднялся с кресла. Госпожа Ань поспешила проводить его до дверей:

— Я все поняла, Сань-лан. Жуцзинь я тоже накажу быть осторожнее.

— Вот и славно. — Покорность госпожи Ань всегда радовала его. Юньшу направился к выходу.

Но едва он сделал шаг, как матушка Ань окликнула его:

— Пой, Сань-лан!

Юньшу обернулся.

Женщина торопливо скользнула за ширму, ведущую в опочивальню, и вернулась, бережно неся в руках аккуратно сложенные вещи.

— Я вижу, твои одежды сшиты изысканно, шов к шву... Верно, у тебя есть кому позаботиться о гардеробе. Но я, простая женщина, ни в чем больше не сильна. Вот, сшила для тебя домашние туфли, мягкие матерчатые сапожки, теплые рукавицы... И еще сшила шелковый чехол для твоей грелки, чтобы металл не обжигал пальцы, когда будешь носить ее. Не побрезгуй, прошу тебя.

Цзин Юньшу опустил взгляд на расшитую узорами облаков домашнюю обувь, и в груди его разлилось непривычное тепло. Он мягко и искренне улыбнулся.

— Спасибо вам, матушка Ань. Доброй ночи.

Двор Длинного Кедра

Второй молодой господин, Юнь Вэнь, полулежал на кушетке в своих покоях. Рядом на низком столике выстроились кувшинчики с вином и легкая закуска, а в руках он держал раскрытую книгу.

К слову, в великом государстве Чжао отродясь не знали брошюрованных нитью книг. Документы и свитки писали на длинных рулонах бумаги или складывали гармошкой.

Именно Цзин Юньшу ради собственного удобства придумал переплетать листы нитью и усовершенствовал технологию печати подвижным шрифтом. Книжное дело сразу пошло в гору. Когда же производство бумаги удешевили, классические трактаты перестали быть редкой роскошью, переписываемой вручную от корки до корки. Их начали печатать огромными тиражами, что дало мощный толчок просвещению.

Стоило Юньшу явить миру это чудо, как Юнь Буши без зазрения совести присвоил изобретение себе, преподнес великому главнокомандующему и тем самым выслужил теплое местечко при его канцелярии.

Книга же, которую с упоением читал сейчас Юнь Вэнь, называлась «Цзинь Пин Мэй» — знаменитый запретный плод, также занесенный в этот мир легкой рукой Цзин Юньшу. В нынешние времена нравы оставались достаточно вольными: пока ты не хулил императора напрямую, чиновники закрывали глаза на любые вольности в литературе. Сатирические стихи и баллады, обличающие пороки общества (ярким примером чему служило творчество Ду Фу), плодились без удержки.

Роман «Цзинь Пин Мэй», когда-то запрещенный в ином мире за излишне откровенные сцены и едкое описание тягот простого люда вкупе с политической сатирой, здесь пришелся как нельзя кстати. Женщинам читать его, разумеется, не дозволялось, но среди мужчин книга пользовалась бешеной популярностью.

Впрочем, взгляд Юнь Вэня был прикован вовсе не к тексту, а к искусно выполненным гравюрам. Разглядывая сладострастную картинку, на которой холеный господин обнимал полуобнаженную девицу у резных перил, он невольно вспомнил Цзин Юньшу, коего лицезрел сегодня в покоях старой госпожи.

В прежние годы, когда у Юньшу не было ни денег, ни слуг, а все его силы уходили на то, чтобы хоть как-то удержать на плаву свои лавки, он выглядел заморышем — тощий, бледный как мертвец. Юнь Вэнь тогда и подумать не мог, что его младший на год брат расцветет такой неопикуемой, ослепительной красотой. Истинное сокровище!

Юнь Вэнь причмокнул губами и сделал глубокий глоток вина. В его мыслях настойчиво крутился образ Третьего брата: этот высокомерный, холодный взгляд, безупречно изящные жесты... А кожа? Прозрачная, чистая, точно драгоценный белый нефрит. Оставь на ней алые следы страсти — и они расцветут на этом снегу, подобно нежным лепесткам дикой сливы.

От этих мыслей у него сладко зануло внизу живота, а кровь прилила к лицу. Остаться на месте сделалось невмоготу.

«В конце концов, он мой родной брат, — рассудил Юнь Вэнь, встав с кушетки. — Разве зазорно старшему провести младшего и справиться о его здоровье?»

Отбросив книгу, он расправил складки халата и позвал слугу. Велев отыскать коробку с отборным женихом, что недавно прислала в подарок родня его жены, госпожи Мэй, Юнь Вэнь торопливым шагом направился напрямик к двору Чистого Бамбука, где расположился Цзин Юньшу.

<http://bllate.org/book/18296/1761094>